

Тропинка

Не в Москве и не в Новокузнецке, —
В небольшом старинном городке
Жители кивают по-соседски,
Все между собой накоротке.

И в потоке дней неспешно-мирном,
Где и всяк блажной — величина,
В доме старом и многоквартирном
Знают все Серёгу Молчуна.

Потерявший глаз в какой-то драке,
У подъезда он стоит стеной,
Даже очень злобные собаки —
Издали обходят стороной.

Пасмурный, щетинистый и дикий,
Словно вождь индейцев Инчу-Чун,
В заросли незрелой ежевики
Косит глаз свой за угол Молчун.

А за домом тем уже глубинка,
И полынью воздух чуть горчит.
Ведает лишь узкая тропинка
То, о чём он целый день молчит.

Человеком здесь слывя несносным,
Натворивший столько на веку,
Ходит он с улыбкой утром росным
Через лес и поле — к роднику.

Перед грозой

Идут облака из кочевья,
Копытят в лугах повитель,
И ближние к лесу деревья
Качают грозы колыбель.

А лес предрассветный, крылатый
Рекой к луговине прижат,
И слышатся где-то раскаты,
И листья, их слыша, дрожат.

Они перед глыбой рассвета
Сигналят всем на маяке,
Весь мир извещая, что где-то
Беда уже невдалеке.

Там катится тяжкая плаха,
Там тяжкий грохочет металл...
Но в заросли дикого страха
Вдруг тоненький лучик упал.

Как чуден мир остынувшей реки,
Живых камней и замерших растений,
Когда, сбиваясь утром в косяки,
Как рыбы, ходят по глубинам тени.

Рябины куст весь гроздьями поник,
В нём пауки колдуют со снастями,
Врастают камни в реку и тростник
Рисует в небе длинными кистями.

Так движется за временем вода.
Когда она от холода темнеет
И топит листья в вечности — тогда
Душа вдруг замирает и немеет.

С холмов леса глядят в речную тьму,
Как терема, наполненные светом,
Душа чего-то ждёт, и потому
Так хочется быть осенью поэтом.

И время за водою не спешит.
И облако находит осторожно,
И окоём к исподу так пришит,
Что крепко всё, что всё еще возможно.

Пока ещё не замерла река,
Пока в лесах не начата приборка,
Как будто что-то ждёт наверняка
В густой траве у дальнего пригорка.

День, кажется, лишь начерно прожит
И на камнях улитки греют спинки,
И эхо в стылом воздухе дрожит
И медленно ступает по тропинке.

Санкт-Петербург – Кисловодск

Недолгой была остановка.
Шушукались проводники.
Три парня закинули ловко
На полки свои рюкзаки,

Верёвки, крюки, карабины —
Всё то, чтобы жить — напролом.
Широкие, крепкие спины
Склонились в купе над столом.

С рассветом на Севере мглисто —
Едва его тянет состав,
Качаются три альпиниста
И стонет вагон, как сустав.

А рядом, как выживший ящер,
Ступающий на материк,
Глаза из-под полки тараща,
Затих в полумраке старик.

Лицо его — кожа да кости,
В глазах неприятная слизь.
Вороны на сельском погосте,
Наверно, его заждались.

Как сыч, он таращится. Мрачный,
Не свойский совсем старикан.
...И запах полился коньячный
Тогда альпинистам в стакан.

Они к недоступным вершинам
Дорогу, что так далека,
Своим измеряли аршином,
Забыв про того старика.

И вдруг кто-то, спину сутуля,
Подсел со стаканом в руке:
— Куда ты собрался, дедуля?
— Наверх я иду. Налегке.

И вздрогнуло что-то в мужчине.
И он предложил первый тост
За тех, кто к туманной вершине
Идёт через сельский погост.

Горний рычаг Архимеда

Когда вдруг припишут к постели, —
К окошку придвину кровать,
Чтоб видеть, как станут метели
Столы для гостей накрывать.

Потянутся солнца обозы
И день затемнеет, как склеп,
За трапезу сядут морозы
И реку разломают, как хлеб.

И сытые, после обеда
Возьмут сразу с места в наём,
И горний рычаг Архимеда
Всю Землю на юг повернёт.

И прежде метелями званы,
Как всех перемен толмачи,
К столам дошагают туманы —
Серьёзные бородачи.

А следом — отгаёт фрамуга
И светом зальётся кровать,
И ранняя пискнет пичуга,
Что всем — от одра восставать.

Когда среди могильных плит
Внезапно, как хрусталь,
Упавший с неба, зазвонит
Разбитая печаль,

И сад зацепит за стекло
Мережу из ветвей, —
И сад почувствует тепло
Из комнаты твоей.

Над всей Землей повиснет ночь
Черничного сукна
И, чтобы всей Земле помочь,
Ты встанешь у окна.

И вспыхнет в тучах горицвет,
И темноте назло
Вдруг на плече застынет свет,
Как белое крыло.

Жила-была одна семья

Он родился, говорят, в рубашке,
Только стал душою истлевать.
Знает он из-за разбитой чашки
Как сердца любимых разбивать.

Верен он пещерному поверью
Верить в силу собственной руки.
Поучил жену и хлопнул дверью
Так, что затрещали косяки.

А она в испуганной квартире
В ужасе, в тоске и в синяках
Вдруг одна осталась в целом мире
С пятилетним сыном на руках.

Сыну как сказать, что «молодецкий»
Вот такой уход бедой чреват?
Что ответить на его недетский,
На его вопрос: «Кто виноват?»?

Смотрит за окно она куда-то,
Поправляя на груди халат:
«Это я, сыночек виновата.
Папа наш ни в чём не виноват».

Деревня Родюкино

У речки по шатким помостам,
Осоке и клеверу рад,
С утра я ходил над погостом
Сердечных надежд и утрат.

Мне всё куковала кукушка,
Что жизнь моя хрупче стекла,
Но маленькая деревушка
Тропинкой к себе повлекла.

Возможно, всех сирых скитальцев,
Которых страшат города
Постройками неандертальцев, —
Тропинка приводит сюда.

Скрипит на калитке вертушка.
Колодец — за ближним двором.
Навстречу мне вышла старушка
С улыбкой и полным ведром.

Вкусна из колодца водица.
Когда осеняют крестом,
Так просто вдруг разговориться
С широкой душой о простом.

А слово живое не скоро
На раны прольёт свой елей.
И станет мне от разговора
На сердце больном веселей.

И станет далёкое — ближе,
И станут надежды мужать,
И небо опустится ниже,
Чтоб тоже меня поддержать.

Пойму я вот здесь, у колодца,
Что в скорби не стоит рыдать,
Что всё претерпевший — спасётся,
Лишь надо чуть-чуть подождать.